

Научная статья

УДК: 347.2/.3

DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.68.92

Характер выбытия имущества из владения в институте защиты добросовестного приобретателя

Дмитрий Андреевич Мальбин

Всероссийский государственный университет юстиции, Россия 117638, Москва, Азовская ул., 2/1, malbin.rpa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7764-2499>

Аннотация

Одним из условий защиты добросовестного приобретателя является характер выбытия имущества из владения собственника или лица, которому вещь была передана во владение собственником. До настоящего времени остаются спорными категории воли и владения в контексте такого условия, что порождает неопределенность в правоприменении. Спорность названного условия обусловлена наличием в юридической науке различных представлений о политико-правовых причинах такого условия, а также многозначностью используемых в рамках данного условия категорий «владение» и «воля». Статья нацелена на исследование такого условия и устранение имеющихся противоречий. При написании статьи использовались диалектический и общеправовые методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные методы: формально-юридический и структурно-функциональный. В результате исследования установлено, что под владением в данном условии следует понимать фактическое господство лица над объектом владения. Теории «книжного» владения, а также непосредственного и опосредованного владения не применимы к институту защиты добросовестного приобретателя. Воля на выбытие вещи из владения формируется до передачи и заключена в основании передачи вещи, поэтому если основание выбытия имущества из владения возникло помимо воли собственника (например, судебное решение), то даже добровольная передача им имущества свидетельствует о выбытии имущества из владения помимо воли. В случае наличия нескольких управомоченных на отчуждение вещи лиц имеет значение воля того лица, которое вла-

деет и отчуждает имущество. Несмотря на то, что в ст. 302 Гражданского Кодекса в числе случаев, когда собственник вправе истребовать имущество, названо хищение, такой термин, тем не менее, не имеет уголовно-правового содержания, поскольку взаимосвязи между гражданским и уголовным правом в данном вопросе не имеется. Институт защиты добросовестного приобретателя содержит регулятивные правовые нормы и применяется безотносительно к уголовно-правовой квалификации и наличия приговора по уголовному делу.

Ключевые слова

гражданское право; право собственности; виндикационный иск; добросовестный приобретатель; владение; воля; вещь.

Для цитирования: Мальбин Д.А. Характер выбытия имущества из владения в институте защиты добросовестного приобретателя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 1. С. 68–92. DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.68.92

Russian Law: Conditions, Perspectives, Comments

Research article

Nature of Disposal of Property from Possession at the Institute for Protection of *bona fide* Acquirer

Dmitry Andreevich Malbin

All-Russian State University of Justice, 2/1 Azovskaya Street, Moscow 117638, Russia, malbin.rpa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7764-2499>

Abstract

One of the conditions for the protection of a *bona fide* acquirer is the nature of the disposal of property from the possession of the owner or the person to whom the thing was transferred into the possession of the owner. To date, the categories of will and possession remain controversial in the context of such a condition, which creates uncertainty in law enforcement. Possession in this condition should be understood as the actual domination of a person over the object of possession. At the same time, the theory of legal ownership is not applicable to the institution of protection of a *bona fide* acquirer. The will in that condition cannot be understood solely as a desire to transfer a thing and arise at the time of such transfer. The will to dispose of a thing from possession is formed before the transfer and is enclosed in the basis of the transfer of the thing. If the basis for the disposal of property from possession arose against the will and, thus, diverges from the will of the owner, then the transfer of property to them, even if committed voluntarily, indicates the disposal of property from possession against the will. If there are several persons authorized to alienate a thing, the will of the person who owns and alienates the property matters. At the same time, despite the fact that in the text of Article 302 of the Russian Civil Code of the it is indicated that the owner has the

right to claim the property when it has left the possession of the owner and the person to whom the owner transferred the thing, against his will, the nature of the disposal of the thing from the possession of the person to whom it was transferred to those to whom the owner himself transferred it also matters the thing. Despite the fact that in art. 302 of the Civil Code, among the cases when the owner has the right to claim property, theft is called, such a term nevertheless has no criminal content, since there is no relationship between civil and criminal law in this matter. The Institute for the Protection of a *bona fide* acquirer contains regulatory legal norms and is applied regardless of the criminal legal qualification and the existence of a verdict in a criminal case.

Keywords

civil law; ownership; vindication claim; *bona fide* acquirer; possession; will; thing.

For citation: Malbin D.A. (2024) Nature of Disposal of Property from Possession at the Institute for Protection of *bona fide* Acquirer. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 1, pp. 68–92 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.68.92

Введение

Предусмотренное ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК) условие о защите добросовестного приобретателя, если вещь выбыла из владения собственника или лица, которому она была передана во владение собственником, воспроизводит известный древнегерманскому праву принцип *Hand wahre Hand*. Его смысл состоял в том, что собственник, добровольно передавший вещь другому, не может истребовать это имущество от ее приобретателя. Возникновение идеи защиты добросовестного приобретателя связано с осознанием необходимости защиты участников гражданского оборота, а сам институт играет большую роль в обеспечении стабильности гражданских правоотношений за счет ограничения истребования имущества от его приобретателя при наличии определенных условий.

Вместе с тем в современной науке гражданского права такое условие защиты добросовестного приобретателя, как характер выбытия имущества из владения собственника или лица, которому вещь передана собственником во владение, практически не выступает предметом научного исследования. Лишь в редких случаях такому условию посвящаются самостоятельные работы [Лоренц Д.В., 2020: 9–15]; [Ширвиндт А.М., 2015: 334–361]. В большинстве случаев в юридической литературе преобладают небольшие указания относительного содержания и смысла такого условия, которые, как правило, сводятся к политико-правовым доводам

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301

о необходимости защиты добросовестного приобретателя, если собственник сам виноват в том, что отпустил вещь из рук, передав ее другому. Между тем такое условие имеет гораздо более сложное содержание, чем это может показаться на первый взгляд, в связи с чем его специальное исследование является необходимым. В свою очередь, такое исследование будет способствовать развитию учения о защите добросовестного приобретателя в современном гражданском праве России, что свидетельствует о его теоретической значимости. С учетом того, что от верного определения содержания такого условия непосредственно зависит решение вопроса о защите прав собственника или добросовестного приобретателя, то такое исследование имеет одновременно и практическое значение.

1. Категория владения

Сложность определения характера выбытия вещи из владения, в первую очередь, продиктована неясностью категории владения, используемой в тексте ст. 302 ГК. Владение может быть понято в качестве непосредственного фактического обладания вещью, а равно юридического владения, в рамках которого выделяются опосредованное и непосредственное владение, и сам вопрос владения в отношении видов вещей решается по-разному. Так, рассматривая вопрос владения, А.Д. Рудоквас подчеркивает, что владение как факт возможно только в отношении движимой вещи, в то время как в отношении недвижимости владение осуществляется посредством записи в реестре [Рудоквас А.Д., 2011: 127].

Между тем концепцию «книжного» владения вряд ли стоит считать применимой к институту защиты добросовестного приобретателя, поскольку это приводило бы к тому, что вопрос о защите такого приобретателя решался бы дифференцированно исходя из вида приобретаемого имущества, а условие о характере выбытия имущества из владения собственника приобретало бы различное содержание для случаев приобретения движимого и недвижимого имущества, что кажется противоречивым.

Государственная регистрация права на имущество не должна наполнять одну категорию разным содержанием в рамках одного правового института. Категория владения должна сохранять единое содержание для единообразного применения правовой нормы. Государственная регистрация права, являясь юридическим фактом, с которым связываются возникновение, переход, обременение и прекращение права собственности на недвижимость, имеет также правоподтверждающее значение, с чем, собственно, и связывается «книжное» владение (запись в реестре

как подтверждение права). Между тем функцию, которую выполняет запись в реестре о праве на недвижимость, в отношении движимого имущества выполняет совокупность доказательств, указывающих на совершение сделки об отчуждении вещи (п. 2 ст. 218 ГК) и передача ее приобретателю (ст. 223, 224). Легитимация собственника движимой вещи посредством представления ряда доказательств сложнее, чем в случае с записью в реестре о праве на недвижимость, которая несомненно упрощает подтверждение наличия у лица права собственности на вещь. Изложенное, однако, не означает, что в отношении собственника движимого имущества подтверждения права собственности не происходит вовсе. В отношении движимости отсутствует лишь публичность подтверждения.

Кроме того, институт защиты добросовестного приобретателя не может быть рассмотрен в отрыве от института виндикационного иска, ограничением применения которого он является. В свою очередь, применение концепции «книжного» владения к виндикационному иску встречает теоретические противоречия и потому не может быть принята в рамках данного института. В связи с этим концепция «книжного» владения не может быть распространена также на институт защиты добросовестного приобретателя, так как оба института составляют одно целое и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга.

При этом, в случае применения концепции «книжного» владения защита добросовестного приобретателя недвижимости оказывалась бы возможной только тогда, когда собственник отчуждает вещь в собственность, регистрация перехода права собственности на имущество произведена, но вследствие недействительности сделки об отчуждении вещи право к приобретателю не перешло, а приобретатель затем отчуждает имущество по возмездной сделке добросовестному приобретателю, который, в свою очередь, и защищается от притязаний собственника. Из этого, в частности, исходит А.М. Ширвиндт, который полагает необходимым дифференцировать подход к движимой вещи и недвижимости, отмечая, что недвижимая вещь считается выбывшей из владения собственника по воле только в случаях неудавшегося отчуждения, поскольку именно в таких ситуациях собственник создает видимость права собственности у неуправомоченного отчуждателя [Ширвиндт А.М., 2015: 359–361]. Как видно, характер выбытия недвижимости из владения собственника с точки зрения концепции «книжного» владения определяется исходя из того, создал ли собственник своей волей видимость права собственности у приобретателя вещи или нет.

Вместе с тем такой подход фактически приводит к тому, что добросовестный приобретатель недвижимости оказывается в худшем положе-

нии, чем приобретатель движимого имущества, который защищается даже в тех случаях, когда такое имущество было передано собственником владельцу, в том числе во временное владение (например, в аренду). В таком случае условие о характере выбытия имущества из владения имеет более широкую сферу действия исходя из того, что приобретает движимая вещь.

Запись в реестре легитимирует юридическую, а не фактическую власть над вещью и призвана определить лицо, имеющее субъективное право на вещь. В рамках концепции «книжного» владения субъективное право нельзя отделить от самого владения, так как владение существует постольку, поскольку существует запись о праве. Следствием этого является смешение двух условий защиты приобретателя чужого имущества: добросовестность приобретателя и выбытие имущества из владения собственника по воле, которые в силу принципа публичной достоверности реестра будут связываться, по существу, с одним и тем же фактом — наличием записи о праве отчуждателя на вещь. В связи с этим применение концепции «книжного» владения ставит приобретателей имущества в неравное положение также тем, что для защиты приобретателя движимого имущества необходимы три условия, в то время как для защиты приобретателя недвижимости достаточно двух: возмездность приобретения и видимость права отчуждателя, созданная собственником при неудавшемся отчуждении имущества. Между тем каждое условие, названное в ст. 302 ГК, имеет содержание. В свою очередь такое условие, как выбытие имущества из владения собственника или лица, которому вещь передана собственником во владение, по воле, связано с тем, что в таких случаях происходит бесконфликтная передача имущества от одного субъекта к другому, когда фактическое владение каждого отчуждателя вещи не нарушается — ведь он сам своей волей передает вещь другому.

Таким образом, применение концепции «книжного» владения в данном случае оказывается противоречивым, поскольку, с одной стороны, лучше защищает приобретателя недвижимости, для защиты которого, по существу, необходимы только два условия, с другой — расширяет возможности защиты добросовестного приобретателя движимого имущества тем, что вещь может быть передана собственником третьему лицу без отчуждения в собственность во временное владение. Возникновение таких теоретических противоречий является неизбежным следствием того, что концепция «книжного» владения, как напоминает К.И. Скловский, неизвестна российскому правопорядку [Скловский К.И., 2014: 87]. Более того, даже сторонники концепции «книжного» владения подчеркивают ошибочность использования такой концепции для принятия

практических правовых решений в настоящее время и рассматривают концепцию «книжного» владения исключительно как направление развития законодательства [Алексеев В.А., 2019: 150].

Равным образом не может быть применена концепция опосредованного и непосредственного владения, поскольку, как указывает А.Н. Латыев, это лишало бы смысла норму ст. 302 ГК [Латыев А.Н., 2005: 154], ведь передача непосредственным владельцем вещи третьему лицу всегда будет происходить против воли опосредованного владельца, в качестве которого в таком качестве выступал бы собственник. Изложенное указывает на то, что под владением в ст. 302 ГК следует понимать непосредственное фактическое обладание, господство над вещью.

2. Категория воли

Неоднозначной также в контексте ст. 302 ГК является категория воли. Хотя воля в первую очередь является категорией психологической науки, в юриспруденции категория воли наполняется собственным содержанием. Так, В.А. Ойгензихт обобщил различные подходы к пониманию воли: как усилие, способность, причина, желание, а также целенаправленность, отметив, что для юриспруденции в большинстве случаев характерно понимание воли как желания [Ойгензихт В.А., 1983: 10–12]. При таком подходе оказывается, что условие о характере выбытия вещи из владения состоит в том, желает ли собственник, чтобы вещь, собственно, выбыла из его владения, то есть прекратилось его непосредственное обладание вещью.

Понимание воли в качестве желания позволяет успешно разрешать большинство правовых споров, когда собственник утрачивает вещь в результате противоправных действий третьих лиц (например, при похищении имущества собственника) или самостоятельно передает вещь контрагенту во исполнение договора. В то же время такой подход испытывает трудности в более сложных ситуациях.

Так, например, в п. 11 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС) от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения»² (далее — Информационное письмо № 126) приведен случай, когда собственник истребовал от добросовестного приобретателя имущество, которое он самостоятельно передал во исполнение судебного решения (которое, в свою очередь, было отменено после такой передачи). В данном случае суд

² Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.

пришел к выводу о том, что имущество выбыло из владения собственника помимо воли, так как исполнение судебного акта осуществлялось под угрозой применения процедуры принудительного исполнения.

Квалификация возможности принудительного исполнения судебного акта в качестве угрозы для собственника не в полной мере точна, поскольку угрозу представляет возможность привлечения собственника к юридической ответственности за неисполнение судебного акта. Собственник вещи в данном случае осознавал неизбежность передачи вещи взыскателю независимо от его воли, поскольку одной из мер принудительного исполнения является изъятие приставом у должника имущества, присужденного взыскателю (п. 4 ч. 3 ст. 68 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³), однако в случае неисполнения в добровольном порядке требования, указанного в исполнительном документе, собственник во всяком случае был бы привлечен к юридической ответственности в виде взыскания исполнительного сбора.

Для признания вещи выбывшей из владения собственника по воле такая воля должна быть свободна в своем формировании, на нее не должно оказываться никакого влияния, которое бы искажало ее содержание или выступало мотивом такого действия, которого при иных обстоятельствах лицо не желало бы совершить. Неизбежность применения мер юридической ответственности в случае неисполнения судебного решения, несомненно, оказывает влияние на волю лица.

Тем не менее рассмотрение воли в качестве желания в контексте рассматриваемого условия приводит к выводу, отличному от того, который содержится в п. 11 Информационного письма № 126, поскольку передача вещи самим должником во исполнение судебного акта свидетельствует о наличии у него желания передать имущество. Причины такого желания — возможность привлечения к юридической ответственности при неисполнении решения суда в добровольном порядке находятся за границами собственно желания передать вещь и не входят в него, вследствие чего не могут учитываться при решении вопроса о том, передана ли вещь по воле или помимо воли.

В то же время нельзя не отметить справедливости вывода о том, что имущество выбыло из владения собственника помимо воли, поскольку собственник хотя и передал вещь самостоятельно, такая передача являлась очевидно вынужденной. Это ставит под сомнение интерпретацию воли в качестве желания в контексте ст. 302 ГК и одновременно свидетельствует о том, что категория воли на выбытие имущества из владения собственника имеет более сложное содержание.

³ СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Несмотря на убедительность вывода суда, что имущество выбыло из владения собственника помимо воли ввиду угрозы применения процедуры принудительного исполнения, а фактически — угрозы привлечения к юридической ответственности, такой подход содержит в себе некоторые противоречия. Добровольная передача собственником имущества по договору в таком случае также должна быть рассмотрена как совершенная не в соответствии со свободной волей собственника по следующим причинам.

Неисполнение обязанности по передаче вещи во исполнение договора является основанием для привлечения должника к гражданско-правовой ответственности. Поэтому при заключении договора, по которому собственник обязан передать имущество, существует угроза применения к собственнику мер ответственности за неисполнение обязательства (например, возмещение убытков, выплата неустойки).

Таким образом, в отношении собственника могут быть применены меры юридической ответственности как за неисполнение судебного акта, так и за неисполнение гражданско-правового обязательства. Различие состоит лишь в виде юридической ответственности, к которой может быть привлечен собственник вещи в случае нежелания передать ее добровольно: к гражданско-правовой или административной. Хотя оба вида юридической ответственности используют различные меры юридического воздействия на правонарушителя, существенных различий между ними не имеется, в связи с чем квалификация характера выбытия имущества из владения собственника не может быть поставлена в зависимость от вида юридической ответственности, к которой может быть привлечен собственник.

Тем не менее возможность привлечения собственника к гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязанности передать имущество остается вне поля зрения исследователей, а квалификация передачи вещи по договору собственником как выбытие имущества из владения по воле не подвергается сомнению. Однако, если исходить из того, что возможность привлечения к юридической ответственности за непередачу вещи оказывает влияние на волю собственника, то передачу имущества по договору очевидно следует квалифицировать как совершенную против воли собственника.

Изложенное подчеркивает спорность аргументации, построенной на взаимосвязи воли собственника и возможности применения мер юридической ответственности, но одновременно свидетельствует о необходимости более содержательного анализа категории воли на выбытие имущества из владения собственника.

Между тем при сопоставлении добровольной передачи имущества во исполнение договора и решения суда очевидно различие в основании

передачи имущества: если договор всегда возникает по воле собственника и именно собственник принимает обязанность и проявляет волю передать вещь, то судебное решение, которым собственник присужден к передаче вещи, принимается независимо от воли собственника и даже вопреки ей. В первом случае договор заключает в себе автономную волю субъекта относительно передачи, в то время как во втором такая воля отсутствует. В связи с этим передача имущества в качестве исполнения обязательства соответствует выраженной собственником ранее в договоре воле, в то время как передача имущества в порядке исполнения судебного решения очевидно расходится с волей собственника, который не желал принятия против себя судебного решения. Таким образом, решение вопроса о характере воли на выбытие имущества находится не в самом акте передачи имущества от собственника к третьему лицу, а в основании такой передачи, в частности, заключает ли такое основание волю собственника или нет.

При этом возможность истребования имущества от добросовестного приобретателя в связи с отменой судебного акта кажется спорной, поскольку возникающие в связи с исполнением судебного акта отношения являются процессуальными, в связи с чем применению подлежат соответствующие институты и нормы процессуального права, определяющие последствия исполнения отмененного судебного акта, в частности, институт поворота исполнения судебного акта. Такой подход представляется не только теоретически верным, но и обоснованным с политико-правовой точки зрения, поскольку истребование от добросовестного приобретателя вещи, переданной в порядке исполнения судебного решения, хотя бы и отмененного впоследствии, кажется несправедливым, подрывает доверие к судебной системе и институтам государственной власти, а также не обеспечивает необходимую стабильность гражданских правоотношений, поскольку ставит под сомнение приобретение имущества, полученного на основании судебного акта.

3. Воля собственника при наличии иного управомоченного лица

В контексте вопроса о характере выбытия вещи из владения собственника представляет интерес Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд) от 12.12.2017 № 5-КГ17-214, в котором суд указал, что спорное имущество, на которое судебным решением обращено взыскание, в силу закона было передано организатору торгов для отчуждения на торгах, поэтому возражения собственника имущества относительно

принудительной продажи квартиры не могут свидетельствовать о том, что имущество выбыло из владения помимо воли⁴.

Фактически указанный подход состоит в игнорировании воли собственника для целей решения вопроса о защите добросовестного приобретателя и непринятии судом возражений собственника. Такое решение очевидно продиктовано нецелесообразностью учета воли собственника, ведь независимо от признания торгов недействительными имущество не могло вернуться к собственнику, так как подлежало продаже на повторных торгах.

Такой подход входит в очевидное противоречие со ст. 302 ГК, поскольку учет воли собственника в отношении выбытия имущества из владения, согласно тексту нормы, является обязательным. Следует признать, что вывод суда об игнорировании воли собственника в приведенной ситуации является ошибочным, либо буквальный текст ст. 302 ГК не отражает ее действительного содержания.

По мнению М.А. Ероховой, подход Верховного Суда в данном деле можно обосновать тем, что воля должника в исполнительном производстве замещается волей судебного пристава-исполнителя, поэтому передача имущества происходит как бы по воле должника [Ерохова М.А., 2018: 15]. Однако такое обоснование не кажется убедительным, поскольку отношения, связанные с передачей имущества судебным приставом, являются публично-правовыми, в то время как отношения в связи с защитой добросовестного приобретателя являются гражданско-правовыми, и релевантной должна быть воля частного субъекта, а не должностного лица государственного органа, действующего в рамках публичных правоотношений. Кроме того, судебный пристав-исполнитель в рамках таких публичных правоотношений передал имущество организатору торгов, который затем самостоятельно провел соответствующие торги по продаже имущества и передал его покупателю. В таком случае гражданское правоотношение возникает с проведением публичных торгов, когда управомоченный законом организатор торгов собственно организует и проводит торги и по их результатам заключает договор купли-продажи.

Принципиальное отличие данной ситуации от изложенной в п. 11 Информационного письма № 126 в том, что в настоящем случае имуществом распоряжалось лицо, уполномоченное на это законом, т.е. управомоченный отчуждатель, который владел вещью законно. Основанием передачи вещи во владение являлся договор купли-продажи, подписанный организатором торгов с победителем торгов, что свидетельству-

⁴ СПС КонсультантПлюс.

ет о том, что имущество выбыло из владения организатора торгов по его воле. Таким образом, в анализируемой ситуации присутствуют два управомоченных лица: собственник и организатор торгов, один из которых отчуждает вещь. В таком случае игнорирование воли одного из них кажется верным, поскольку в то же самое время присутствует воля другого управомоченного субъекта, который владеет вещью на законном основании.

В свете изложенного обоснование возможности игнорирования воли собственника может состоять в том, что необходимым является характер воли не исключительно собственника, а управомоченного лица, отчуждающего вещь: если вещь отчуждена любым управомоченным на это лицом и передана им по воле во владение третьего лица, которое при отсутствии перехода к нему права собственности отчуждает и передает имущество во владение добросовестного приобретателя, то последний подлежит защите. В таком случае противоречий между п. 11 Информационного письма № 126 и Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 12.12.2017 № 5-КГ17-214 не имеется, поскольку в первом случае имущество передавалось на таком основании, которое возникло против воли передающего вещь собственника, в то время как во втором случае основание — договор купли-продажи — возникло по воле лица, управомоченного на отчуждение вещи.

4. Воля на выбытие вещи из владения и воля на отчуждение

Изложенное, однако, не означает отождествления воли на выбытие вещи из владения с волей на формирование основания передачи вещи. Собственник, заключая договор о передаче имущества, имеет волю на возникновение соответствующего гражданско-правового обязательства. Такая воля отражает его желание относительно наступления юридических последствий. Воля на выбытие имущества из владения относится к области факта и отражает желание собственника относительно непосредственного фактического обладания вещью. Две воли близко подходят друг к другу, но не являются тождественными.

Необходимость определения воли в отношении фактического события — выбытия вещи из владения — не случайно и представляется закономерным следствием того, что добросовестный приобретатель получает вещь от лица, которое не имеет права на отчуждаемое имущество, и является фактическим приобретателем имущества. Право собственности на имущество у добросовестного приобретателя возникает не вследствие перехода права на основании сделки (ряда сделок), а в результате

совокупности юридических фактов. В связи с этим воля на совершение сделки собственника не может иметь решающего значения, поскольку не сделка обеспечивает возникновение права у добросовестного приобретателя, в связи с чем какой-либо порок воли при совершении сделки оказывается irrelevantным.

Ввиду изложенного является верным указание в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда № 10, Пленума ВАС № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁵ (далее — Постановление № 10/22) о том, что недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу.

Несмотря на указанное разъяснение, суды иногда встречают трудности дифференциации воли на отчуждение вещи и на выбытие вещи из владения. Характерным примером является Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2022 № 05АП-8311/2021 по делу № А24-2989/2021, в котором указано, что «... выбытие имущества помимо воли собственника имеет место не только при хищении, но и в результате иных действий, например при реализации имущества, приобретенного на основании сделки с пороком воли (совершенной под влиянием насилия, обмана, стечения тяжелых обстоятельств)»⁶.

При этом в юридической литературе воля на выбытие вещи из владения подменяется волей на отчуждение имущества. Так, например, анализируя рассматриваемое условие, П.А. Стрельников указывает, что «когда имущество перестало принадлежать собственнику без его желания, то такое имущество всегда подлежит виндикации независимо от фактора добросовестности приобретателя или возмездности приобретения» [Стрельников П.А., 2021: 53]. Воля в данном случае рассматривается в традиционном для юриспруденции смысле желания, однако воля на выбытие вещи из владения смешивается с волей на прекращение права собственности.

Такой подход нельзя признать верным, так как имущество перестает принадлежать собственнику по желанию лишь в случаях самостоятельного распоряжения собственником имуществом, в то время как присвоение вещи собственника третьими лицами всегда происходит вопре-

⁵ Российская газета. 2010. № 109. 21.05.

⁶ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2022 № 05АП-8311/2021 по делу № А24-2989/2021 // СПС КонсультантПлюс.

ки желанию собственника. Вследствие этого такой подход исключает защиту добросовестного приобретателя, который приобретает право собственности на имущество вопреки желанию собственника. Таким образом, прекращение права собственности по желанию собственника как условие защиты добросовестного приобретателя лишало бы всякого смысла существование института защиты добросовестного приобретателя. Релевантной для целей защиты добросовестного приобретателя является только воля на выбытие вещи из владения.

Смешение воли на выбытие вещи из владения и на ее отчуждение допускается также в Обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014)⁷. Так, Президиум Верховного Суда в Обзоре указывает, что в ситуации, когда Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование не являлись участником договора передачи жилого помещения в собственность гражданина, однако право собственности на это жилое помещение было зарегистрировано за другим лицом, которое в дальнейшем произвело его отчуждение, суды принимают решение об истребовании жилого помещения, в том числе от добросовестного приобретателя, так как в указанном случае выбытие имущества из владения собственника происходило помимо его воли. Как видно, Президиум Верховного Суда делает существенный акцент на том, что публично-правовое образование не являлось стороной договора передачи жилого помещения в собственность, подменяя тем самым волю на выбытие вещи из владения волей на заключение договора об отчуждении вещи, несмотря на то, что релевантной является только первая воля.

Не всегда точными оказываются и тексты судебных актов, принимаемых Верховным Судом. Так, например, в определении его Судебной коллегии по гражданским делам от 14.12.2021 № 18-КГ21-137-К4⁸ указано, что в силу ст. 302 ГК РФ отчуждение имущества уполномоченным представителем собственника нельзя признать совершенным помимо его воли. Такой подход не является точным, поскольку наличие у лица полномочий на отчуждение вещи, т.е. на совершение сделки об отчуждении вещи, само по себе не означает выбытия вещи из владения собственника по его воле, так как воля на совершение сделки об отчуждении и воля на выбытие вещи из владения не тождественны. Совершение уполномоченным представителем сделки об отчуждении имущества не

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

⁸ СПС КонсультантПлюс.

прекращает владения собственника постольку, поскольку совершение юридической сделки вообще не прекращает владения. Для разрешения вопроса о наличии условия для защиты добросовестного приобретателя в случае отчуждения вещи представителем необходимо установить, передавал ли собственник вещь во владение представителю или продолжил владеть сам, наделив представителя только полномочием на заключение договора, и не завладел ли представитель вещь против воли собственника.

По изложенным причинам следует согласиться с правоприменительной практикой в том, что имущество считается выбывшим из владения по воле собственника в результате действий третьих лиц, если такое третье лицо передавало вещи по просьбе или с ведома собственника или лица, которому собственник передал вещь во владение⁹.

В то же время категорический вывод, что воля на совершение сделки и воля на выбытие вещи из владения представляют собой разные по содержанию воли, не означает, что в каждом случае необходимо отдельно от воли на совершение сделки устанавливать волю на выбытие имущества из владения. Существующие у лица пороки воли могут быть обусловлены таким психическим состоянием, которое принципиально исключает осознанное и свободное желание субъекта относительно чего-либо. Не зря римская юриспруденция исходила из того, что безумный не имеет воли (*furiosi nulla voluntas est*).

По изложенным причинам следует признать верным подход Верховного Суда, согласно которому имущество, отчужденное собственником, не понимавшим значение своих действий и не способным руководить ими в силу психического расстройства, может быть истребовано от добросовестного приобретателя¹⁰. В таких случаях очевидно, что при наличии психического расстройства, которое принципиально исключает волю собственника и является основанием для признания сделки не-

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 18-КГ23-105-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.02.2023 № 19-КГ22-40-К5; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-КГ16-9; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.02.2015 № 5-КГ14-175 и др.

¹⁰ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 78-КГ16-61; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.04.2018 № 2-КГ18-1; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 2-КГ15-14; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.07.2015 № 5-КГ15-83; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.01.2015 № 48-КГ14-11 и др.

действительной, устанавливать отдельно волю на выбытие вещи из владения является излишним, поскольку очевидно, что такой воли у лица быть не может. В таких случаях отождествления воли на отчуждение вещи и воли на выбытие из владения не происходит, несмотря на то, что Верховный Суд в принимаемых судебных актах опирается на недействительность сделки в связи с пороком воли.

5. Круг лиц, воля которых имеет значение

Аналогичным образом обстоит дело с выбытием вещи из владения лица, которому вещь была передана собственником во владение. Спорным, однако, является вопрос о значении характера выбытия имущества из владения лица, которому вещь во временное владение передана тем, кому собственник передал вещь во владение. Такая ситуация может возникнуть, например, при передаче арендатором имущества в субаренду и иных случаях передачи вещи во временное владение, когда это допустимо в соответствии с объективным правом и соглашением между собственником и владельцем.

Из буквального текста ст. 302 ГК следует, что релевантным для решения вопроса о защите собственника или добросовестного приобретателя является характер выбытия имущества из владения исключительно собственника или лица, которому собственник передал вещь во владение. Тем не менее, решение данного вопроса зависит от понимания действительного смысла самого условия о характере выбытия вещи из владения.

Один из подходов к обоснованию существования такого условия состоит в том, что при передаче имущества во владение третьего лица собственник несет риск выбора контрагента. Так, например, М.В. Короткова полагает, что на собственника ложатся неблагоприятные последствия отчуждения принадлежащего ему имущества лицом, которому он ввел данное имущество [Короткова М.В., 2015: 42]. С этой точки зрения исследование характера выбытия вещи из владения должно простирается не далее лица, которому собственник передал имущество, вследствие чего характер выбытия вещи из владения другого лица (субарендатора или иного лица, получившего вещь от того, кто получил ее от собственника) не имеет значения. Следовательно, добросовестный приобретатель защищается также в случае, если вещь выбыла из владения такого лица помимо воли, поскольку вещь выбыла из владения лица, которому была передана собственником, по его воле.

Другой подход к объяснению анализируемого условия состоит в том, что с определением характера выбытия имущества из владения зако-

нодатель устанавливает, кому из двух лиц: собственнику или добросовестному приобретателю проще защитить свои права. По данному вопросу, например, в учебной литературе указывается следующее: «По сравнению с ним (собственником. — Д.М.) добросовестный возмездный приобретатель в случае отобрания у него вещи находился бы в худшем положении, ибо он, как правило, меньше знает то лицо, у которого он приобрел вещь и, соответственно, имеет меньше шансов возместить за счет последнего понесенные убытки. Напротив, при выбытии вещи из владения собственника помимо его воли в лучшем положении, в смысле возможности возмещения убытков, оказывается уже добросовестный возмездный приобретатель. В отличие от собственника, у которого в этой ситуации вообще нет контрагента, приобретатель имущества имеет представление о лице, у которого он купил вещь. По этой причине вещь возвращается собственнику, а добросовестному возмездному приобретателю предоставляется возможность покрыть возникшие у него убытки за счет продавца» [Сергеев А.П., 2020: 811-812]. С такой точки зрения характер выбытия вещи из владения лица, получившего вещь от того, кто получил ее от собственника, также оказывается не имеющим значения, поскольку собственник знает своего контрагента и потому способен возместить понесенные убытки за его счет.

Буквальный текст нормы ст. 302 ГК также не оставляет сомнений в отрицательном ответе на поставленный вопрос. Это, кажется, расходится с действительным смыслом института защиты добросовестного приобретателя и, в частности, такого условия как характер выбытия имущества из владения, которое основано на идее защиты приобретателя в случае бесконфликтного перехода имущества из владения одного лица к другому. Присвоение вещи помимо воли владельца означает нарушение владения и, следовательно, необходимости защиты утратившего вещь владельца. В связи с этим должен иметь значение не только характер выбытия вещи из владения собственника и лица, которому вещь была передана собственником во владение, но также характер выбытия вещи из владения лица, которое получило ее во владение от того, кто, в свою очередь, получил ее от собственника.

Ограничение круга лиц, характер выбытия имущества из владения которых имеет значение, исключительно собственником и лицом, которому вещь передана собственником во владение, оказывается вредным с политико-правовой точки зрения, поскольку способствует самовольному захвату чужого имущества и приобретения права собственности на насильственно полученное имущество. Между тем институт защиты добросовестного приобретателя не является способом легализации насилия и произвола, при наличии которых не может иметь действия.

Данный институт обеспечивает необходимую стабильность гражданских правоотношений, которая присутствует только при передаче имущества по воле от одного владельца к другому.

Институт защиты добросовестного приобретателя призван обеспечить стабильность гражданских правоотношений, поэтому защита приобретателю вещи предоставляется тогда, когда переход вещи от одного владельца к другому был бесконфликтным, в отсутствие самовольного присвоения имущества. Насильственное (против воли владельца) приобретение вещи нарушает цепочку бесконфликтного присвоения имущества, когда каждый предыдущий владелец отказывается от владения в пользу другого и своей волей передает вещь.

Таким образом, ограничение круга лиц, характер выбытия имущества из владения которых имеет значение, исключительно собственником и лицом, которому вещь передана собственником, означает разрешение вопроса о конкуренции прав и законных интересов собственника и добросовестного приобретателя без учета действительного смысла анализируемого условия защиты добросовестного приобретателя.

6. Взаимосвязь гражданского и уголовного права

Отдельного обсуждения требует вопрос взаимосвязи гражданского и уголовного права в свете того, что в п. 1 ст. 302 ГК прямо указано, что собственник может истребовать имущество от добросовестного приобретателя, если оно было похищено. Правоприменительная практика сталкивается со случаями, когда имущество было похищено в результате совершения преступления. Характерным примером является дело, по результатам которого принято Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 24.05.2012 № 17802/11 по делу № А40-99191/10-113-875¹¹, в котором суд отметил, что при установлении приговором суда факта хищения имущества собственник этого имущества освобождается от необходимости доказывать отсутствие воли на его отчуждение и недобросовестности приобретателя, поскольку похищенное имущество может быть истребовано и у добросовестного приобретателя.

Само понятие хищения дано в примечании к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации¹² (далее — УК РФ; УК), которое представляет собой совершенные с корыстной целью противоправные без-

¹¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 17802/11 по делу № А40-99191/10-113-875 // СПС КонсультантПлюс.

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

возмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. При этом понятие хищения, как отмечается в литературе, распространяется на группу однородных преступлений, описанных в ст. 158-162, 164 УК [Чучаев А.И., 2019: 659]. В свою очередь, анализ различных составов преступления, которые состоят в хищении имущества, показывает, что в одних случаях хищения лицо приобретает вещь независимо от воли или действий собственника (кража, грабеж), в то время как для отдельных случаев хищения характерна передача самим собственником имущества лицу, совершающему преступление. На существенные различия форм хищения обращал внимание Б.Б. Черепахин, который по данному поводу указывал следующее: «Присвоение вверенного имущества и злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества (мошенничество) характерны тем, что выбытие вещи из владения собственника происходит по воле собственника» [Черепахин Б.Б., 2001: 189]. Изложенное свидетельствует в пользу того, что единого подхода к хищению имущества в рамках условия о характере выбытия вещи из владения быть не может.

Несмотря на единую терминологию, представляется, что связи между гражданским и уголовным правом в данном случае не имеется по следующим причинам. М.Ю. Чельшев в исследовании межотраслевых связей обращал внимание на существование двух видов связей гражданского и уголовного права: охранительную и охранительно-регулятивную, отмечая, что охранительная связь выражается в совместном действии гражданско-правовых и уголовно-правовых норм, а в рамках охранительно-регулятивной взаимосвязи при реализации норм гражданского права поведенческие акты могут осуществляться с учетом уголовно-правовых предписаний (реализация профилактической функции уголовной ответственности) [Чельшев М.Ю., 2008: 181].

Охранительную связь норм ст. 302 ГК и ст. 158-162 и 164 УК следует исключить, так как применение института защиты добросовестного приобретателя возможно без применения уголовно-правовых норм. Тем более норма ст. 302 ГК не является охранительной и не преследует цели наказания субъекта, поэтому названные нормы не могут иметь совместного действия. Наличие охранительно-регулятивной взаимосвязи норм в данном случае также не наблюдается, поскольку указание в ст. 302 на хищение не имеет целью предупредить совершение преступления и, следовательно, не выполняет профилактическую функцию уголовной ответственности. Скорее, речь идет о перечислении хищения в числе частных случаев выбытия вещи из владения помимо воли, т.е. исключительно в гражданско-правовом смысле.

Уголовное право — охранительная отрасль права, в отличие от гражданского, в котором преобладают регулятивные правовые нормы, а те немногие охранительные правовые нормы, которые присутствуют в гражданском праве, направлены, в первую очередь, на защиту прав пострадавшего от гражданского правонарушения лица. В.Ф. Яковлев описывал сущностные различия между гражданским и уголовным правом следующим образом: «Если реализация уголовного права в конкретных правоотношениях означает применение санкций, что неизбежно связано с принуждением, то реализация гражданского права происходит, в первую очередь, в виде осуществления диспозиций его норм и при нормальном ее развитии в принуждении не нуждается» [Яковлев В.Ф., 2012: 35]. По изложенным причинам связь уголовного и гражданского права может проявляться, в первую очередь, при реализации охранительных механизмов, в то время как институт защиты добросовестного приобретателя к таковым очевидно не относится.

Более того, взаимосвязь кажется сомнительной с учетом наличия в уголовном праве презумпции невиновности (ст. 49 Конституции Российской Федерации¹³), что при наличии взаимосвязи гражданского и уголовного права в части хищения имущества приводило бы к различному разрешению спора исключительно исходя из того, вынесен ли приговор в отношении лица, похитившего вещь. При этом очевидно, что наличие приговора суда лишь подтверждает факт совершения преступления с целью применения уголовного наказания, в то время как в рамках института защиты добросовестного приобретателя имеет значение не факт совершения преступления, а было ли имущество из владения собственника или лица, которому оно было передано собственником, по воле или помимо воли. По изложенным причинам приговор суда, из которого следует, что имущество было похищено (тем более с учетом различных форм хищения), само по себе не означает неизбежного истребования имущества от добросовестного приобретателя.

Заключение

Закрепленное в ст. 302 ГК условие о том, что собственник вправе истребовать имущество во всех случаях, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.

их владения иным путем помимо их воли, является необходимым для защиты добросовестного приобретателя. Потребность в таком условии продиктована тем, что институт защиты добросовестного приобретателя призван обеспечить стабильность гражданских правоотношений, которая присутствует в случае передачи вещи от одного лица к другому.

Такое условие редко является предметом самостоятельных научных исследований. До настоящего времени в доктрине и правоприменительной практике встречаются отождествления воли на выбытие вещи из владения с волей на отчуждение вещи, в то время как только первая воля (на выбытие вещи из владения) релевантна для данного условия. Недостаток доктринальных работ по данному вопросу приводит к тому, что судебная практика зачастую сталкивается с проблемами теоретического характера.

Под владением в данном условии понимается фактическое господство лица над объектом владения. Теория юридического владения не применима к институту защиты добросовестного приобретателя, а распространение концепции «книжного» владения приводит к дифференцированному подходу в вопросе о защите добросовестного приобретателя.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о значении воли в вопросе выбытия вещи из владения. Наиболее частое понимание воли как желания позволяет в большинстве случаев позитивно разрешить вопрос конкуренции между защитой собственника и добросовестного приобретателя, однако такой подход встречает трудности в ряде случаев. Представляется, что воля в данном условии не может пониматься исключительно в качестве желания на передачу вещи и возникать в момент такой передачи. Воля на выбытие вещи из владения формируется до передачи и заключена в основании передачи вещи: в том случае, когда основание выбытия вещи из владения возникло по воле и отражает волю собственника на добровольную передачу имущества, имеет место выбытие имущества из владения по воле. Если основание выбытия имущества из владения возникло помимо воли и, таким образом, расходится с волей собственника, то передача им имущества, хотя бы и совершенная добровольно, свидетельствует о выбытии имущества из владения помимо воли.

В ряде случаев имущество собственника может отчуждаться третьим лицом на законном основании. В таких случаях при отсутствии перехода права собственности к приобретателю (например, в связи с недействительностью сделки, на основании которой управомоченный отчуждатель отчуждает имущество) воля собственника относительно выбытия вещи из владения не имеет значения. При наличии нескольких

управомоченных имеет значение воля того лица, которое владеет и отчуждает имущество.

При этом хотя в ст. 302 указано, что собственник вправе истребовать имущество, когда оно выбыло из владения собственника и лица, которому собственник передал вещь, помимо воли, имеет значение также характер выбытия вещи из владения лица, которому она была передана тем, кому сам собственник передал вещь. Обоснование этого состоит в том, что самовольное, вопреки воле, изъятие вещи у такого лица является актом насилия и произвола и должно служить основанием для защиты такого владельца и, соответственно, собственника. Институт защиты добросовестного приобретателя не является средством легализации произвола и насилия, поэтому не может иметь места в таких случаях.

Несмотря на то, что в ст. 302 в числе случаев, когда собственник вправе истребовать имущество, названо хищение, такой термин, тем не менее, не имеет уголовно-правового содержания, поскольку взаимосвязи между гражданским и уголовным правом в данном вопросе не имеется. Институт защиты добросовестного приобретателя содержит регулятивные правовые нормы и применяется безотносительно к уголовно-правовой квалификации и наличия приговора по уголовному делу.

Существование института защиты добросовестного приобретателя не означает отсутствия у собственника возможности защиты нарушенных прав, но ориентирует собственника на предъявление иска к лицу, по вине которого вещь была утрачена. Это обеспечивает скорейшую защиту прав собственника без оказания влияния на права и интересы третьих лиц, чем обеспечивается стабильность гражданских правоотношений: вещных правоотношений — признанием имущества принадлежащим добросовестному приобретателю, которого третьи лица уже воспринимают в качестве собственника вследствие бесконфликтного присвоения вещи (добровольная передача вещи от одного владельца к другому), обязательственных правоотношений — отсутствием взаимных претензий сторон по возмещению убытков, возникших в связи с истребованием собственником вещи, бывшей объектом обязательств.

Такое решение продиктовано политико-правовыми мотивами для обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку истребование собственником вещи от добросовестного приобретателя привело бы в динамику взаимные притязания субъектов различных правоотношений: добросовестный приобретатель обратится к контрагенту с иском о возмещении убытков, возникших в связи с истребованием у него вещи, а такой контрагент, в свою очередь, обратится с иском о возмещении убытков к своему контрагенту и т.д. до тех пор, пока иск о возмещении убытков в конечном счете не будет предъявлен к лицу, которое рас-

порядилось предоставленной во владение вещью собственника. Таким образом, институт защиты добросовестного приобретателя также может быть рассмотрен как элемент механизма защиты прав собственника, который обеспечивает стабильность гражданских правоотношений.

Институт защиты добросовестного приобретателя является компромиссом между частным (конкретным) интересов собственника и общим интересом субъектов гражданских правоотношений в стабильности таких отношений. В то же время собственник, будучи частью общества, также получает выгоду от такого института. Как подчеркивал Ж.-Ж. Руссо: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [Руссо Ж.-Ж., 1998: 208].

Список источников

1. Алексеев В.А. О владении недвижимым имуществом // Закон. 2019. N 9. С. 146–156.
2. Ерохова М.А. О выбытии вещи из владения собственника по его воле при продаже с публичных торгов. Комментарий к Определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12.12.2017 N 5-КГ17-214 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. N 5. С. 10–17.
3. Короткова М.В. К вопросу об обеспечении баланса интересов собственника и добросовестного приобретателя при применении статьи 302 ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 11. С. 41–45.
4. Латыев А.Н. Объем понятия владения в современном гражданском праве // Арбитражные споры. 2005. N 2. С. 153–157.
5. Лоренц Д.В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации // Российский судья. 2020. N 7. С. 9–15.
6. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление: Очерки теории, философии и психологии права. Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.
7. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности. М.: Закон, 2011. 304 с.
8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре Пер. с франц. М.: Канон, 1998. 414 с.
9. Сергеев А.П. и др. Гражданское право Т. 1. М.: Проспект, 2020. 1040 с.
10. Сковский К.И. Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы: Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ №10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010, Постановлению Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 № 54, информационному письму Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 № 153. М.: Статут, 2014. 205 с.
11. Стрельников П.А. Виндикационный иск как правовая мера защиты имущественных прав юридических лиц // Юрист. 2021. N 5. С. 49–55.
12. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д.ю.н. Казань, 2008. 501 с.

13. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 476 с.
14. Чучаев А.И. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). М.: Проспект, 2019. 1536 с.
15. Ширвиндт А.М. К вопросу о выбытии вещи из владения собственника помимо его воли в контексте ограничения виндикации. В кн.: О собственности. Сборник статей. Сост. М.А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 334–361.
16. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2. Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. 351 с.

References

1. Alekseev V.A. (2019) On possession of real estate. *Zakon=Law*, no. 9, pp. 146–156 (in Russ.)
2. Chelyshev M.Yu. (2008) The system of intersectoral relations of civil law: a civilian study. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Kazan', 501 p. (in Russ.)
3. Cherepakhin B.B. (2001) Works on civil law. Moscow: Statut, 476 p. (in Russ.)
4. Chuchaev A.I. (2019) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 1536 p. (in Russ.)
5. Erohova M.A. (2018) On the disposal of a thing from the possession of the owner at his will when sold at auction. Comment on the Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Armed Forces of the Russia of 12.12.2017 No. 5-KG17-214. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*=Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, no. 5, pp. 10–17 (in Russ.)
6. Korotkova M.V. (2015) Ensuring a balance between interests of the owner and a *bona fide* acquirer in the application of Article 302 of the Civil Code. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*=The Laws of Russia: experience, analysis, practice, no. 11, pp. 41–45 (in Russ.)
7. Latyev A.N. (2005) The scope of the concept of ownership in modern civil law. *Arbitrazhnye spory*=Arbitration Disputes, no. 2, pp. 153–157 (in Russ.)
8. Lorents D.V. (2020) The will of the owner to dispose of real estate from his possession: in the context of vindication. *Rossiiskii sud'ya*=Russian Judge, no. 7, pp. 9–15 (in Russ.)
9. Oigenzikht V.A. (1983) Will and Expression of Will: Essays on the theory, philosophy and psychology of law. Dushanbe: Donish, 256 p. (in Russ.)
10. Rudokvas A.D. (2011) Controversial issues of doctrine of the acquisition prescription. Moscow: Zakon, 304 p. (in Russ.)
11. Russo J.-J. (1998) *On the social contract*. Moscow: Kanon, 414 p. (in Russ.)
12. Shirvindt A.M. (2015) On the issue of the disposal of a thing from the possession of the owner against his will in the context of the restriction of vindication. In: About the property: collection of papers. Moscow: Statut, pp. 334–361 (in Russ.)
13. Sergeev A.P. (2020) Civil law. Vol. 1. Moscow: Prospect, 1040 p. (in Russ.)
14. Sklovskii K.I. (2014) The application of property law. Comment on Resolutions of Plenum of Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and No. 22, April 29, 2010; July 11, 2011, No. 54; Presidium of Supreme Court of Russian Federation Letter, January 15, 2013, No.153. Moscow: Statut, 205 p. (in Russ.)
15. Strel'nikov P.A. (2021) Vindication suit as a legal measure to protect the property rights of legal entities. *Yurist*=Lawyer, no. 5, pp. 49–55 (in Russ.)

16. Yakovlev V.F. (2012) Selected works. Vol. 2: Civil Law: history and modernity. Moscow: Statut, 351 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Д.А. Мальбин — кандидат юридических наук, старший преподаватель.

Information about the author:

D.A. Malbin — Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.08.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 11.12.2023 .